

Хуа Нянь неизвестно сколько простояла за дверью, едва не теряя терпение от игры Цин Ло, но услышав упомянутую той листовую флейту, наконец заинтересовалась. Войдя в комнату, она с любопытством посмотрела на Цин Ло, а та лишь легко улыбнулась, небрежно подняла с стола ивовый лист и извлекла из него удивительно трогательный деревенский напев. Хуа Нянь слушала со всем вниманием, её глаза сияли, и она рассыпалась в похвалах: Цин Ло, и подумать не могла, что у тебя есть такой талант!

Листовая флейта позволяет использовать листья деревьев вместо инструмента и выводить самые разные мелодии. Я использую ивовые листья, но если взять листья грушевого дерева возрастом не меньше ста лет, звук будет намного чище и приятнее.

Столетняя груша... Все любят персиковые и вишневые цветы, и кроме Императорского дворца, такое дерево днём с огнем не сыщешь.

Я слышала, в одном месте оно есть.

Где же? — тут же спросила Хуа Нянь.

В семье Юй.

Семья Юй? Какая ещё семья Юй?

А разве в столице есть другая семья Юй?

Ты хочешь сказать... Нет, ведь весь этот род был казнен поголовно, от них так и разит зловещей мертвечиной.

Тогда мне останется довольствоваться ивовыми листьями, пусть эффект и будет немного хуже, — нарочно произнесла Цин Ло.

Это... Ладно, я пошлю кого-нибудь принести их.

Другие не знают, что мне нужно, поэтому я хочу взять их сама. Знаю, хозяйка боится, что я воспользуюсь случаем и сбегу, но куда мне бежать и зачем отказываться от сытой и роскошной жизни? Прошу, отпустите меня, матушка.

Хорошо. — Хуа Нянь долго колебалась и наконец кивнула.

Грушевые деревья.

Глубокая ночь.

Маленький паланкин выехал из Борделя Хунсю и бесшумно остановился перед обветшалым домом на окраине. Лоэр отдернула занавеску, и закутанная в легкую вуаль женщина медленно вышла наружу. Её белые, словно нефрит, изящные пальцы легонько коснулись облупившихся ворот особняка, слегка подрагивая, словно от страха перед ночным холодом.

Госпожа Цин Ло, мы прибыли к усадьбе Юй. Ночь на дворе, накиньте одежду перед тем, как идти.

И правда, барышня, у вас лицо совсем побелело.

Я в порядке. — Ногти Цин Ло глубоко впились в ладони, но на лице застыла улыбка. — Пождите меня у ворот, я быстро срежу листья и вернусь.

Госпожа Цин Ло, это...

Бойтесь, что я сбегу? Раз уж Хуа Нянь отпустила меня на улицу, значит, она не опасается побега. Неужели вы трусите больше какой-то женщины?

Произнеся это, Цин Ло бросила на них спокойный взгляд — в её глазах, обычно чистых и ясных, промелькнул ослепительный, переливающийся блеск. Странное дело: Лао Чжан и Лао Ли прежде относились к ней почтительно лишь ради Хуа Нянь, но от этого мимолетного взгляда Цин Ло у них возникло ощущение, будто ослушаться просто невозможно. Лао Чжан сильно замялся и выдавил: Ну...

Хуа Нянь ведь прямо не запрещала мне заходить в дом одной, — бесстрастно произнесла Цин Ло. — Или вы обязательно хотите чинить мне препятствия?

Что ж, тогда мы с Лао Ли подождем вас здесь. Но ровно через полчаса вы должны вернуться. Если вы сбежите, то мне, Лао Ли и Лоэр придется несладко.

Не беспокойтесь, я обязательно вернусь.

Ведь мне... давным-давно некуда идти.

Скрип.

Цин Ло легко толкнула заброшенные ворота.

С бесстрастным лицом она шаг за шагом ступала вовнутрь. В голове было совершенно пусто, она двигалась лишь механически, шаг за шагом. Большой двор семьи Юй почти не изменился с тех пор, что остался в её памяти: здесь, у искусственной горки, она когда-то училась рисовать вместе с Сяо Гэ, а у этого пруда кормила рыбок с матушкой... Картинки прошлого мгновенно нахлынули на неё, отнимая дыхание. Спотыкаясь, она сделала еще несколько шагов и рухнула на колени, тихо зарыдав.

Отец, мама... Это я во всем виновата, это я не распознала зловещих замыслов Чу Ли, это из-за меня погибла семья Юй! Вы все ушли, почему же в живых осталась только я? Неужели это небесная кара для меня? Как же я ненавижу, как же я ненавижу! Вы погибли, а у меня даже нет права надеть по вам траурные одежды... Отец, мама... Как же я вас ненавижу!

Ночной ветерок мягко овеивал её. Цин Ло опустилась на колени перед огромным деревом, рыдая среди опадающих лепестков — поистине прекрасная и горестная картина. Неизвестно, сколько прошло времени, но она вдруг резко подняла голову и безумно принялась бить дерево руками, пока на них не выступила кровь. Да, она никогда не забудет: именно под этим деревом она встретила Чу Ли, и никогда не забудет, как он взял её за руку и поцеловал в губы...

Чу Ли, я ненавижу тебя. Ненавижу!

Кто ты? — раздался прямо над головой мужской голос.

Цин Ло удивленно подняла глаза и замерла, превратившись в соляной столп.

Противный мужчина.

На ветке грушевого дерева невесть откуда лежал мужчина в белых одеждах. Он с улыбкой смотрел на неё, словно наслаждаясь великолепным представлением. Его распущенные волосы чернее ночи небрежно ниспадали на спину, а точёные черты лица поражали своей изысканностью — он казался даже красивее Чу Ли. Тонкие губы мужчины изогнулись в легкой улыбке, в мерцающих глазах плескался живой блеск, и с праздным любопытством он разглядывал Цин Ло, а во взгляде его читалось откровенное озорство. Холодный лунный свет пробивался сквозь узорчатую сень ветвей, пятнами ложась на его фигуру и окутывая мужчину легким серебристым сиянием. Он выглядел прекрасным, словно небожитель. Заметив, что Цин Ло смотрит на него, он слегка улыбнулся, легко спрыгнул с грушевого дерева и шагнул к ней. Слегка надавив на ее подбородок, он приподнял его, длинные пряди волос скользнули по ее щекам, и он с легкой усмешкой произнес:

— Кто ты? Разве ты не знаешь, что это поместье опечатано властями и появляться здесь запрещено?

— Пусти! — Цин Ло резко отпрянула назад, чувствуя, как к горлу внезапно подступает тошнота. — Убирайся!

— Ты смеешь так со мной разговаривать? — мужчина прищурился, но руку не отпустил. — Дерзкая женщина, немедленно опустишься на колени и моли о пощаде, иначе я заставлю тебя пожалеть об этом до конца твоих дней.

— Ублюдок, отпусти!

В прошлой жизни Цин Ло вовсе не была нежной и добродетельной девуницей, а пережив столько потрясений, она и вовсе избавилась от любых оков социальных условностей. Видя, что этот мужчина посмел распускать руки, она пришла в ярость. Унижение той дождливой ночи, когда она проснулась в постели незнакомца; унижение, когда ее швыряли из стороны в сторону слуги; унижение, когда ей пришлось встать на колени перед Чу Ли...

Воспоминания хлынули в ее сознание подобно приливному волнению, пробуждая невыразимое отвращение к прикосновениям этого человека! Инстинктивно вытянув руку, она со злости отвесила ему пощечину, но мужчина одной рукой перехватил ее запястье, а другой обнял за талию, прижавшись к ней в самом тесном объятии.

— У тебя нрав настоящего дикого котенка. У таких кошек нужно сразу вырывать когти, не правда ли? — тихо произнес мужчина, склонив голову.

— Отпусти!

— Ха-ха...

Пожалуй, забавы ради он нашел дразнить Цин Ло невероятно увлекательным: слегка улынувшись, мужчина прямо припал к ее губам поцелуем. Он был высок ростом, Цин Ло доставала ему лишь до подбородка, а от его губ исходил легкий аромат мятных листьев. Его язык ловко разомкнул зубы Цин Ло, а легкий шлейф аромата, исходивший от него, судя по всему, был запахом грушевых цветов, впитавшимся в ветвях дерева — изысканный и свежий, но Цин Ло ощутила лишь жуткую тошноту. В объятиях этого мужчины ее тело забило мелкой дрожью, точно от удара током, лицо побледнело, и, наконец, не выдержав, она сдавленно вырвала. Мужчина замер, торопливо отпустив Цин Ло, и посмотрел на нее задумчивым

взглядом:

— Каждая женщина жаждет получить мою милость, а кто-то умудрился расплакаться от тошноты после моего поцелуя... Женщина, скажи, не лучше ли мне просто избавиться от тебя?

— Как плохо... — Цин Ло непрерывно кашляла. — Кхе-кхе...

— Ты... в порядке?

Мужчина на мгновение засомневался, но все же подошел и легко похлопал Цин Ло по спине. Однако он никак не ожидал, что она резко обернется, сжав в руке крупный булыжник, который она только что подняла с земли и спрятала в рукаве. Быстро и безжалостно она опустила камень прямо ему на лоб, а затем стремглав бросилась бечь. Мужчина потер ушибленное место на лбу, глядя ей вслед, и тихо усмехнулся:

— Какая забавная девчонка... Сначала я думал, что это фея грушевых цветов, а оказалась — настоящая ночная гуриба, поистине забавно. Женщина, неужели ты думаешь, что сможешь сбежать? Раз уж ты посмела проявить ко мне неуважение, я заставлю тебя пожалеть, что ты вообще появилась на свет, ха-ха...

Реакция Чу Ли

Бордель Хунсю.

Цин Ло никому не рассказала о том, что произошло в поместье семьи Юй. Хотя Лоэр и остальные заметили, что Цин Ло бледна как полотно и ее тошнит, а потому испытывали смутные сомнения, но, видя ее дурное самочувствие, из тактичности расспрашивать не стали. Вернувшись в бордель Хунсю, Цин Ло сразу велела Лоэр натопить ей ванну, отчаянно оттирая собственную кожу. Закрыв глаза в теплой воде, она почувствовала, как чувство гадливости немного отступило.

Этот мужчина... какой же он наглец!

Он посмел тайком забраться в старое поместье семьи Юй, посмел распускать руки — до чего же беспринципный и дерзкий тип. И хотя вел он себя легкомысленно, судя по его одеяниям, он явно происходил из знатной или богатой семьи, и связываться с ним нынешняя она была не в силах. Ладно, посчитаем, что ее укусила собака, станет ли человек препираться с псом? К тому же он посмел облапать ее, а она врезала ему булыжником — считай, квиты. Остается только надеяться, что от ее удара он хотя бы немного сдвинулся рассудком.

Особняк семьи Юй выглядел точно так же, как в ее воспоминаниях, но в нем больше не было прежней жизни — лишь гробовая тишина. Чу Ли, это подарок, который ты мне преподнес, я запомню его на всю жизнь! Я ненавижу тебя, вечно буду ненавидеть...

Наконец настал день выхода в свет.

Ради празднования появления новой первой красавицы бордель Хунсю не поскупился на богатые украшения: все здание утопало в розовых полупрозрачных тканях, отчего происходящее казалось еще более нереальным, словно во сне. Бордель Хунсю и без того славился как главное заведение столицы, а благодаря старательной рекламе Хуа Нянь практически все влиятельные чиновники и знатные вельможи собрались здесь, жаждая своими глазами увидеть легендарную девушку Цин Ло, прекрасную словно небожительница. К вечеру

Цин Ло тщательно вымылась, а затем принялась за причёску и макияж. Лоэр помогала ей расчесывать длинные смоляно-черные волосы, укладывая их в изящный и лаконичный пучок в виде свернувшейся змеи, и заколола в причёску нефритовую орхидею, не удержавшись от восхищения:

— Госпожа, вы так прекрасны.

— Правда? — Цин Ло посмотрела на свое отражение в зеркале и слабо улыбнулась.

И правда, Цин Ло была поистине невероятно красивой женщиной. В этот вечер на ней было белое марлевое платье, вышитое серебряными нитями. Без единой капли косметики, с естественными густыми бровями и алыми от природы губами, она казалась сошедшей с небес небожительницей. Пока Лоэр колдовала над ее образом, Цин Ло медленно гладила холодное медное зеркало. Лишь спустя более время она связала прекрасную незнакомку из отражения с самой собой и слегка улыбнулась, но эта улыбка была до боли горькой. Надев на запястье белоснежный нефритовый браслет, она нарочито небрежно поинтересовалась:

— Кто из влиятельных господ сегодня пожалует?

— Будут новый столичный чжуаньюань господин Чжан, элегантный ученый из Академии Ханьлинь, доблестный генерал Гунсунь...

— А Правящий князь Наньчжао придет?

— Эм... Лоэр об этом ничего не слышала.

— Не придет? Разве он не получал приглашение от Хуа Нянь?

— Хуа Нянь отправляла людей разослать приглашения, там даже было расписание выступлений нашей госпожи, но Ван ничего не ответил: не сказал, что придет, но и не отказался. Госпожа, почему вы так переживаете из-за Вана? Другие господа ведь тоже весьма достойные люди!

— Наш император Великой Янь никчемный, и весь двор находится в руках Правящего князя Наньчжао. Если уж мне суждено кому-то отдать себя, естественно, я должна выбрать самого могущественного и богатого. — Цин Ло холодно усмехнулась. — Лоэр, ты уверена, что Ван получил приглашение?

— Да.

— И какова была его реакция?

— Говорят, Ван выглядел очень спокойным, но лицо у него было тяжелое. Кажется... кажется, он считает ниже своего достоинства посещать подобные места увеселений... Госпожа, что с вами?

— Он придет. — Цин Ло немного помолчала, а затем улыбнулась. — Раз он ведет себя так, значит, непременно явится. Помогите мне привести себя в порядок, Лоэр.

Подношение искусства

По мере того как небо постепенно темнело, бордель Хунсю наполнялся изысканными ароматами и сиял яркими огнями. Хуа Нянь с сияющей улыбкой сновала среди почетных

гостей, то и дело перекидываясь с ними шутками и с нетерпением ожидая выхода своего секретного оружия. Прокрутившись в сфере развлечений столько лет, она прекрасно понимала, что редкая красота Цин Ло в сочетании с ее своенравным характером непременно принесут ей огромную прибыль.

Если подумать, эта девчонка действительно сильно изменилась... Лицо осталось все тем же соблазнительным ликом бедствия, но нрав стал гораздо покладистей. Только вот, не плод ли это моего воображения, почему мне все время кажется, будто она стала совсем другим человеком? Неужели возвращение с того света действительно способно так сильно изменить человека?

Пока Хуа Нянь сидела у сцены и предавалась подобным мыслям, все свечи вдруг разом потухли. Гости в зале заволновались, но тут же с удивлением заметили, как в воздухе откуда-то закружились зеленеющие светлячки, словно они перенеслись под самое звездное небо далекой равнины.

Светлячки заменили свечи, став единственным источником света в ночной тьме, и посреди кружащихся лепестков белой груши Цин Ло в белых одеждах и с легкой вуалью на лице легко и невесомо появилась в центре сцены. В руках она держала бамбуковую флейту, извлекая из нее мелодичный сельский мотив — чистый и изящный, в тишине ночи он звучал подобно божественной музыке.

Хотя из-за тусклого освещения люди в зале не могли толком разглядеть ни лица, ни фигуры Цин Ло, слушая такую мелодию в тишине ночи, эти пресыщенные роскошными танцами и песнями вельможи испытали совершенно новые, прежде неведомые чувства. Они немигающим взглядом впились в Цин Ло. Хуа Нянь тоже заново оценивала девушку, ее лицо выражало сложную, трудночитаемую гамму эмоций.

Эта девчонка...

Она прекрасно умеет играть на бамбуковой флейте, так почему же соврала мне, будто умеет извлекать звуки лишь из простого листа дерева? Неужели все ее прежнее невежество было лишь притворством? Но какова же ее цель? Неужели она делает это, чтобы проникнуть... к семье Юй?

На сцене Цин Ло двигалась легко и отрешенно, словно бессмертная, а Хуа Нянь в задумчивости наблюдала за ней из зала, и в ее глазах мелькнул острый хищный огонек. Когда мелодия смолкла и в зале вновь зажглись свечи, Цин Ло замерла на сцене, в то время как публика внизу уже была близка к безумию.

Увидев это, Хуа Нянь радостно заспешила на сцену и зычным голосом объявила:

— Сегодня счастливый день: прекраснейшая девушка бордель Хунсю, Цин Ло, впервые переступает порог взрослой жизни! Надеюсь, дорогие господа щедро поддержат нас и окажут госпоже Цин Ло всю свою нежность! Не будем терять слов, начнем торги по старинным правилам: кто больше предложит, тому она и достанется! Начальная цена — две тысячи ляннов серебра!

— Даю три тысячи ляннов!

— Пять тысяч ляннов!

Люди в зале безумно перебивали ставки, а Цин Ло молча стояла на месте, не отрывая глаз от

едва заметной в полумраке VIP-ложи фигуры в синем халате, и с такой силой сжимала кулаки, что побелели костяшки.

Ее сердце бешено колотилось от гнева, жгучей ненависти и странного волнения, в глазах темнело, лицо побелело, и она едва держалась на ногах. Ногти глубоко впились в ладони, зубы были крепко сжаты — она собрала всю свою волю, чтобы не упасть и не разрушить весь свой план из-за сиюминутного порыва.

Она знала: Чу Ли пришел.

Руки Чу Ли

Господин Чжао грозно обернулся, но, едва увидев того, кто приближался, мгновенно опустил голову, а его лицо побледнело. Цин Ло стояла на прежнем месте, ошеломленно глядя на то, как Чу Ли медленно идет к ней — все ближе и ближе, пока наконец не остановился прямо перед ней.

Когда заветное желание наконец исполнилось, кровь в жилах словно застыла в одно мгновение, и тело пронял мертвящий холод. Она не могла произнести ни слова, не могла поприветствовать его поклоном, лишь тупо глядя на Чу Ли. Слезы помимо ее воли подступили к глазам, но она изо всех сил сдерживала их, не позволяя себе проронить ни единой слезинки из-за этого мужчины.

Чу Ли, Чу Ли...

Мы наконец снова встретились.

Перед Цин Ло стоял благородный мужчина с выдающейся, красивой внешностью. Хотя на нем был простейший синий халат, скромная одежда не могла скрыть его природного величия. Его волосы были аккуратно собраны заколкой из черного нефрита, холодный и надменный взгляд казался расфокусированным, а в глубине темных глаз царило полное спокойствие. Подойдя к Цин Ло, он легким движением сорвал с ее лица вуаль, обнажив перед изумленной публикой ее ослепительную красоту.

— Ты... — Взгляд Чу Ли на мгновение замер.

— Какая красавица! Какая же удача улыбнулась Вану!

Неземная красота Цин Ло вновь взорвала толку, а ее заплаканное, полное невыразимой жалости выражение лица заставило мужчин испытать острую жалость. Им было невдомек, что пламя ненависти уже почти полностью поглотило саму Цин Ло.

Чу Ли...

Прошло два года, а ты все так же прекрасен и безупречен, всё так же мягок и учтив — ничуть не изменился по сравнению с тем, какими ты был два года назад. Тебе никогда не узнать, что прямо перед тобой стоит та самая Юй Сыин, которую ты некогда считал своим драгоценным сокровищем, а затем безжалостно выбросил. Прошло два года, и в тебе не изменилось ровно ничего, а та, кто изменилась — это я...

Чу Ли, я познакомилась с тобой в пять лет, в тринадцать мы обручились, в четырнадцать я стала твоей женой — ты был единственным мужчиной в моей жизни. Задумывался ли ты хоть раз, с чего бы мне вступать в связь с другими мужчинами, и с кем именно? Ты не стал

разбираться, кто прав, а кто виноват, лишил меня жизни и погубил всю мою семью — я никогда тебе этого не прощу! Никогда!

Цин Ло смотрела на Чу Ли, ее тело слегка дрожало от гнева, слезы наконец хлынули из глаз, а лицо от невыносимой боли стало мертвенно-бледным. Чу Ли смотрел на нее со смесью растерянности во взгляде и вдруг невольно протянул руку, мягко проведя пальцами по ее щеке и стирая слезы. Тепло его пальцев было все таким же привычным; ошеломленная Цин Ло смотрела на эти длинные, чистые руки Чу Ли, и в одно мгновение ее мысли унеслись в те времена, когда они были счастливы.

Много-много лет назад, когда бы она ни плакала, эти же самые руки точно так же нежно утирали ее слезы, и тепло его ладоней согревало... Но все это было так невероятно давно, настолько давно, что они оба уже успели позабыть об этом...

— Ты почему плачешь?

Цин Ло опустила голову и ничего не ответила.

— Похоже, женщины все любят поплакать... Господин Чжао, как вам эта девушка?

— Разумеется, разумеется! Для меня большая честь!

— Хуа Нянь, ты согласна? — снова обратился к хозяйке Чу Ли.

— Конечно согласна! Раз Ван выложил такую сумму, госпожа Цин Ло, разумеется, ваша!

— Мне нужна не ее девственность. Мне нужна она целиком. — Чу Ли слабо улыбнулся. — По рукам, Хуа Нянь?

Выкуп Цин Ло

— Это...

Хотя сто тысяч лянов золотом составляли весь пятилетний доход борделя Хунсю, для Хуа Нянь Цин Ло была живой денежной машинкой, и расставаться с ней было по-настоящему жаль. Переводя взгляд то на Цин Ло, то на Чу Ли, она долго колебалась, но наконец сжала зубы и произнесла:

— Раз Ван оказал нам такую честь, Хуа Нянь, само собой, согласна.

— Цин Ло, а ты согласна?

— Цин Ло... конечно же, согласна.

Чу Ли, все, что я делаю — ради того, чтобы вернуться к тебе, и я не ожидала, что все пойдет как по маслу. Похоже, это лицо оказалось полезнее, чем я думала. Чу Ли, жди меня. Жди, пока я шаг за шагом не утяну тебя в самый ад...

— Что ж, раз и Цин Ло не против, тогда Хуа Нянь поздравляет Вана с приобретением прекрасной красавицы! Прошу Вана и госпожу Цин Ло пожаловать в брачные покои, ведь каждая минута в такую ночь на вес золота! Ха-ха-ха!

За красными пологам балдахина Цин Ло сняла украшения, смыла косметику и медленно погрузилась в теплую воду.

<http://bllate.org/book/21099/2142161>